

Часть IV

Мой мир живой
Природы

*Простор и снег в моём окне.
И преданности безотчётной
я полон сумрачной зиме,
где притулился неотлётный
снегирь на голой бузине...*

Давид Самойлов

Половина моей жизни прошла на улице Ржевской, по которой тянулась одна из дорог, ведущих из древнего Торжка. Названия улиц - Старицкая, Ржевская, Осташковская - указывают до сих пор на направления, по которым издавна путники устремлялись к торговым городам Верхневолжья.

Бойкие улочки имели постоянные дворы, трактиры, торговые лавки, кузницы. Этому назначению улиц соответствовала и застройка: многие дома были просторными, с мезонинами - «светёлками», как их называли жители, а парадные двери имели «крыльца» - уютные навесы со ступеньками и перилами, въезды во дворы вымощены булыжником.

Обязательным местом для «посиделок» становились, так называемые, «лавочки» - удобные скамейки на столбцах, врытых в землю. По вечерам сюда стекалась молодёжь, а днём «на часок» здесь устраивались хозяйки домов «подышать воздухом» и узнать уличные новости.

А рядом с компанией молодых или почтенных старожил всегда ютились домашние друзья-собаки. Не душистые болонки, а добрые дворняги, преданные хозяевам и верно исполнявшие свой долг: охранять дом, опекать малышей, не пропускать чужих... Тут уж такой лай поднимался, что только держись!

Соперниками дворняжек были кошки, они чувствовали себя в доме «хозяйками», им доставался лакомый кусок... Во дворе они только «гуляли». Собаки сердились, гонялись за ними с пронзительным лаем, выдворяли хитрых лакомок со своей территории. Умудрённые кошачьим опытом, Муськи и Васьки стремительно «взлетали» на деревья, а иногда и повыше - на крыши сараев и оттуда хитро смотрели на обескураженных собак... Попробуй, мол, достань! Распустив хвосты, щурили глаза, а иногда - для порядка! - шипели... Собаки лаяли до хрипоты, пока не выходил кто-нибудь с прутом или веником и не успокаивал дворняг привычным способом. Это оскорбляло собачье достоинство, они чуть не уползали в конуры...

... В конце 60-х годов мы оставили свой дом и переехали в кооперативный. Первой впустили в квартиру - по старой народной примете - Муську. Она вошла и остановилась в прихожей: свежеевыкрашенный пол блестел, он ещё не был покрыт половиками. Муську это испугало, а может, потрясло:

дома она ходила по мягким половичкам! Первой догадалась мама: «Смотри-ка! Муська боится вступить на этот зеркальный пол! Брось ей домашний коврик!» Я бросила! И умница кошка тотчас улеглась на нём, почуяв родной домашний дух, по-кошачьи чутко прислушиваясь, видимо, удивляясь: эхо гуляло по почти пустой квартире!

...Прожила Муська недолго в новой квартире. Она очень боялась улицы: я с ней гуляла, как с собакой. Однажды она оказалась одна, засуетилась - и попала под колесо машины... С тех пор мы не заводили кошек.

... Долгая жизнь на Ржевской, в своём **доме**, приучила меня к миру животных и птиц: корова, телёнок, овцы, куры - всё это нас кормило и спасало в трудные послевоенные годы от многих бед, было родным, понятным и жизненно необходимым. Тот образ бытования, который диктовала работа и новое окружение, безвозвратно втянул меня в иной мир... И как-то незаметно, сначала неосознанно, я стала **слушать, рассматривать** то, что звенело, щебетало, каркало, чирикало и даже квакало по вечерам в заводях Тверцы... Всё это происходило за окном. И оказалось, что эта другая жизнь была полна хлопот, борьбы, страстей, недоумений, обид - как в нашем человеческом мире. «Соседи» стали притягательным объектом для моих наблюдений и героями маленьких «зарисовок», которые были написаны в разное время. Так возник своеобразный «Календарь». Я назвала его «Взгляд через окно» - с эпиграфом их стихотворения Николай Рубцова: «Вот ворона сидит на заборе. Горе ей. Настоящее горе! Ведь ни зёрнышка нет у вороны и от холода нет обороны...» Выбираю несколько зарисовок из этого «Календаря».

Птичий обед

Небесное сито как будто прорвалось: снег сыплется на землю пушистыми хлопьями уже второй день... Две ели под окнами нашего дома как-то сникли под тяжестью снега, налипшего на ветки.

Тишину нарушает попискивание каких-то милых птиц: прилетели обедать к своим елям, а шишки покрыты слоем снега, который «схватил» ночной мороз. Птички суетятся, носиками и лапками пытаются разгрести снег, чтобы достать свой привычный обед - и в недоумении перелетают на другое дерево... Там их ждёт то же самое.

... Смотрю и думаю: что же они будут делать? Есть-то хочется!..

Одна птичка придумала удивительное: она подлетела под самую разлапистую ветку, где было несколько шишек, уцепилась за неё лапками и повисла почти вниз головкой, приладилась к шишке с другой ветки и начала вылуцивать семечки! Другие птички кружили вокруг, пищали - и всё-таки не решились подражать своей подруге...

Что ж, значит, у малых птах есть свои ловкие, изобретательные смельчаки?! Как интересно устроен мир!..

Вспомнилось давнее, что я слышала от бабушки Груши: «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда...» Может быть, божия и не знает, а вот мои соседи - знают! И забот у них не меньше, чем у нас.

И многие из нас помогают птичкам зимовать: вижу пластмассовые бутылки с прорезанными отверстиями, на доньшке - каждый день семечки, привычный для птах «городской» корм, даже летом!.. (А не отвыкнут ли птахи от умения «добывать, искать» корм?)... Смотрю: подлетают по очереди, не мешают друг дружке - живут «по совести»!

Всё живое на земле тяготеет к человеку, правда, не всегда с любовью - могут и клюнуть, и укусить! Но всё-таки прав поэт: «Два мира есть у человека: один, который нас творил, другой, который мы от века творим по мере наших сил». Это строки Николая Заболоцкого.

Но не так просто этим двум мирам жить в полной и постоянной гармонии.

Гнездо

Первая половина марта тревожила нас ветрами, туманами и снежными выюгами: февраль не отпускал своего соседа в весёлое весеннее путешествие по заснеженным крышам, полям, речкам, притихшим в ожидании солнечных дней лесам, ещё утопающим в сугробах... Но к концу марта всё чаще и чаще стали выдаваться солнечные дни, в воздухе запахло весенней свежестью. «Треньк-треньк!» - названивали капельки прозрачной живой воды, мерно отстукивая минуты и часы вечного обновления.

Весёлое треньканье стало сигналом к началу «строительных работ». Несколько дней назад я заметила, что ворона начала вить гнездо на голубой ели. Обнаружила я это совершенно случайно: глядя в окно, удивлялась, что она так «задумчиво» делает? Ворона держала в клюве тонкий прямой прутик, довольно длинный, сантиметров в 30, - и ничего не предпринимала, держала - и всё! Наконец, она его приткнула между ветвей ели, почти у самого ствола, с юго-западной стороны. И опять «задумалась», сидя на ветке и изучая свою работу, потом перемахнула на соседнюю ветку, уцепилась клювом за прутик, потянула к себе - не поддаётся!.. Ворона как-то странно крякнула (может, похвалила себя?) и полетела на соседнюю берёзу. Смотрю: начинает «клевать» прямой, почти без веточек, прутик, крутит его вправо и влево, желая отломить «живую» ветку. Прошло несколько минут - и прутик отломился. Победно зажав его в клюве, ворона полетела к «стройке» - и опять начался долгий процесс «обдумывания». Закончив «проектирование», ворона приткнула прутик, но что-то её смутило, видно, обнаружились «недоделки»! Ворона стала ощипывать с ветки иголки, наверное, мешавшие прутикам лечь как надо - с её, вороньей, точки зрения...

На другой день строительница заготавливала материал: таскала прутики и складывала их на соседней ветке. Потом началось небывалое: вытащит ворона прутик, осторожно приладит, подсовывая под другой, уже хорошо пристроенный, - словно корзину плетёт!

Трудилась она до полудня: время обеда соблюдалось точно!.. До этого я никогда не думала, что у птиц - свой размеренный образ бытования!

... Сегодня у моей вороны была другая работа: она утаптывала гнездо - формировала дом своих птенцов! Она садилась «в чашу», расталкивая боками прутья, но что-то ей не понравилось. Подумав, придумала, как благоустроить жилище, сделать его мягким и тёплым: ворона стала ощипывать иголки и класть их на дно гнезда. Ну и строительница, ну и умница!.. Сколько же ей придётся трудиться? Посмотрим!..

И вот что интересно: внизу, на пятом ярусе ветвей от земли, уже есть гнездо: не одно поколение пернатых выпорхнуло из него в свой первый полёт! Но, видно, этой вороне оно было не нужно: нельзя, мол, занимать чужой дом - мудрая ворона знала птичьи вековые законы и трудилась, «не покладая крыльев»...

Я рада, что ворона выбрала наше дерево - почти напротив моего окна - **окна в мир жизни!**.. Как разумно устроено всё вокруг нас, жаль только, что мы редко берём уроки у матери-природы. Интересно, какими птицы видят нас? Что они думают о роде человеческом?.. Поди, удивляются, что мы не летаем! Хотя в младенчестве кто-то из нас, счастливых, испытывает ощущение полёта во сне... Говорили, что ощущение полёта - это чудо! Правда, говорили почти в старости, когда становилась трудно даже ходить...

Противостояние

Чем началась эта история, я не знаю, но приближение к концу было похоже на театральное действие, почти драматического характера.

... Однажды утром услышала надсадный крик «моей» вороны – какой-то просто человеческий. Выхожу на балкон и вижу, на дереве сидит чёрная пушистая кошка, а рядом с ней, возле уже пустого гнезда,- ворона, моя приятельница. Кошка пытается хитро отпугнуть ворону, заставить её улететь! Она топорщит усы и издаёт шип! Ворона с карканьем перелетает с ветки на ветку, кружит над своим врагом, кошка крутится на неудобной ветке и каждый раз встречает ворону, повернувшись

к ней мордочкой: кошка боится подставить вороне свою «тыловую часть», её хвост распушён, им кошка отмахивается от вороны, но та, зная кошачьи хитрости, боится, что киста «смажет» её когтистой лапой!..

Баталия не приносит успехов! Вороне не удаётся быстро согнать кошку со своего дерева: каждое утро она ждёт на суку, когда я брошу ей что-нибудь съестное. А кошка, наверное, и слезла бы, но боится, что ворона клюнет её, когда она начнёт слезать задом, передними лапами цепляясь за ствол, - тогда у неё не будет возможности для самообороны.

Ворона каркает, потом издаёт какой-то оглушительный «ор»! Глаза кошки то расширяются, то превращаются в щелочки. И тогда кажется, что она хитро «улыбается», глядя на потуги вороны. Кошкин хвост выделяет замысловатые движения, ветер поднимает на её спине шерсть - и, пожалуй, вороне страшно! Но «хозяйка» дерева не покидает позиций - блажит что есть мочи!.. И вдруг происходит неожиданное: ворона широко разевает клюв - и не может издать ни звука!.. Несколько мгновений она сидит неподвижно, очевидно, в недоумении, то открывает, то закрывает клюв. Сорвала голос! Ворона хлопает крыльями, тужится - и ни звука!.. Ни та, ни другая не обращают на меня внимания: я же не из их мира!..

Кошка устраивается поудобнее, подбирает хвост и смотрит на свою противницу: что же с ней произошло? Она мяукает раз-другой, почти дружелюбно! Ворона на моих глазах становится какой-то «маленькой», как-то престыженно, беспомощно спускается на землю - чуть не «ползком»... Она крутит головой, наверное, хочет понять, что же такое с ней случилось? Нет голоса да и только!..

Кошка, посидев мгновение, начинает спускаться. Спрыгнув, устремляется по своим делам. Её хвост всё ещё распушён - победительница довольна собой - на ворону она не смотрит!

Бедная ворона! Вернётся ли к ней её голос?.. Вот как опасно «орать», - «во всё воронье горло», как когда-то писал И. А. Крылов...

К своему гнезду, где она вывела птенцов, ворона больше не возвращалась. Кошка тоже не подходила к дереву. Видно, «воспоминания» были не из приятных! Удивительно! Весь живой мир бытует по каким-то своим законам, вековым

привычкам. У всякого живого существа есть, видно, свои «понятия» о достоинствах, о победах и поражениях...

«Не хлебом единым...»

Матвей Петрович прибыл вовремя, как я его и ожидала. Он ловко выбрался из дорожного «экипажа», распушил великолепные усы, встряхнул роскошную шубу – и моя квартира приняла редкого гостя в свои «объятия»...

Мимо меня Матвей Петрович прошёл осторожно, слегка, как мне показалось, кивнув и даже чуть присев...

«О, какие манеры!» - подумала я, следуя за непривычным гостем... А он между тем обвёл глазами моё жилище, и мне стало даже как-то неловко за скромность старомодных «апартаментов». Думаю: «Где же его устроить? В кресле или на диване?» Но Матвей Петрович сам выбрал диван. Сопровождавшая его мадам присела на краешек кресла.

«Да, в этой паре, видно, главный – элегантный господин!» - решила я. Предлагаю чай, кофе, «что-нибудь» ещё – решительный отказ... Через мгновение гость устремился к письменному столу и стал смотреть в окно, его золотисто-карие глаза обозревали пейзаж...

- Вы не удивляйтесь, - поспешила меня успокоить милая особа, - он любит подолгу сидеть и смотреть в окно. А у вас занятный вид: и небо чистое, высокое, а у нас перед глазами соседний дом... Мотя, удивительный Матвей Петрович, что-то «замурлыкал», отозвавшись на тихое, мимолётное поглаживание его по спине.

- «Ах, какой очаровательный дамский угодник!» - улыбнулась я...

Сели пообедать. Матвею Петровичу я предложила отварную курочку, тушёную печёнку – я знала, что он жареное не ест. Курочку отверг сразу, тушёную печёнку чуть попробовал – и только!

- Что ж ему предложить? – заволновалась я. – Может, молочка?

- Он ряженку только любит...

- Такой молодой – и ряженку?!

Матвей будто улыбнулся и шикарно распустил хвост...

«Неужели он понимает, о чём мы говорим?» - удивилась я...

Оставив нас, **кот** стремительно покатился в комнату. Его пушистая, просто экзотическая шуба причиняла Мотьке страдание: вытянувшись на ковре, он лежал открыв рот и высунув язык. В комнате было двадцать шесть градусов жары!

Открыли балконную дверь – Мотя тотчас шмыгнул на балкон, прошёлся по пушистому снегу, фыркнул, потряс лапой, стряхивая снег, и вернулся к нам. На снегу остались внушительные отпечатки его лап – словно тигр гулял!

- А вы возьмите его на руки, посмотрите, какой он тяжёлый! – сказала Маша, это её «для колорита» я называла «дамой»! Маша – Мария Петровна, вот почему Мотька – Матвей Петрович: как же, - «брат наш меньшей»! А Маша – моя давняя подруга и мать-кормилица Моти, которая создаёт ему жизнь «лорда» в своём доме. Теперь он его любит без памяти! А Машу считает главным любимым другом и, вообще, всей Вселенной!..

Подняла кота на руки... Мягкий, пушистый и, действительно, - тяжёлый: Мотя весил более **шести** килограммов!.. Кот упёрся мне лапами в грудь, а потом и когти начал выпускать!

- Э, брат наш меньшей, зачем же когти? Что, тётка чужая? Не Маша? Иди к ней, английский лорд!

- Нам пора уезжать. У Моти сегодня стресс: в лечебнице ему прививку делали, и обстановка другая – даже аппетит мой Мотя потерял! – сетовала Маша.

Вошла в прихожую, Мотя без всяких протестов устроился в своём «шарабане» - большой корзине с крышкой, на дне которой лежал пуховый платок.

- Хорошо живётся Матвею Петровичу! – засмеялись мы...

- До свидания, Мотя! Приезжай на Новый год!

Через двадцать минут позвонила Маша:

- Доехали на такси быстро! Только подняла крышку корзины – Мотька пулей в подъезд, сел у двери и смотрит, иду ли я: видно, испугался – вдруг я его «забуду» где-нибудь или «оставлю», как его бросили год назад маленьким котёнком!.. Скорее открыла дверь – он как помчится по квартире, будто проверял, всё ли на месте! Спасибо за устроенный приём нашему Матвею!..

«Вот так, - подумалось мне, - а ещё говорят, что животным всё равно, где и с кем жить, лишь бы их кормили хорошо!.. Нет, не хлебом единым живёт всё, что создаёт вокруг нас атмосферу

добра и привязанности, даже преданности, знает тепло родных рук. Чувство «дома», уютного, любимого, - это чудо, которым природа одарила всё живое, тяготеющее к человеку. А Мотя, расчудесный Матвей Петрович, - одно из примечательных существ... Как благодарный друг!»

Мужество зерна

Деловая, хлопотливая весна скоро вступит в свои права и поведёт нас к уборке хлама, накопившегося за зиму... Под окном нашего дома когда-то были клумбы. Теперь цветочное «хозяйство» осталось только под окнами Наташи, милой молодой женщины с первого этажа, которая обладает чуткой душой цветовода – художника. Она не просто высаживает цветочную рассаду, а творит орнаментальные украшения, сочетая в «цветочном поле» живописную цветовую гамму... Иногда что-то высевает, потом ходит и смотрит, как появляются росточки, и огорчается, когда что-то «не всходит», как хлебороб, который грустит, когда зерно оказывается невсхожим...

Вот эта живая картина украшения нашей жизни подсказала мне тему маленькой зарисовки – размышления о мужестве зерна...

... Крохотное зёрнышко, его едва удержишь пальцами. Над ним пласт земли. Нет света, иногда мало влаги, не хватает тепла. А оно хочет жить – и прорастает, пробивая своим «кинжальчиком», тоненьким зеленеющим росточком, толщу земли – и выходит к свету, к солнцу, которое будет помогать ему исполнить великое предназначение.

Враждебна ли земля зерну? Нет! Она ему – **мать**: ей предопределено питать его, учить стойкости **ожидания**. Преодоление рождает характер, формирует умение «думать»! Зерно должно ждать своего часа...

Доброе, полновесное, оно живёт, чтобы осенью или зимой умереть, стать **прахом-мукой**! Из неё и рождается хлеб наш насущный, питающий весь мир, дающий Жизнь всем и всему... Какой круговорот! Жизнь и смерть – и опять Жизнь!

Жизнь зерна в двух ипостасях: одно зерно живёт в ожидании посева и борьбы за жизнь в умножении потомства...

Другое Зерно завершает свою Жизнь на нашем столе: без хлеба у нас нет жизни, радости, нет **нашего потомства**- дитя человеческого.

Мужество зерна – как песнь торжествующей любви: «Смертию смерть поправ!» А сколько людей живёт рядом с Зерном на всех путях его бытия! Зерно и тот, кто его хранит, пашет землю, сеет, выращивает, убирает урожай. Его называют **хлеборобом**.

Зерно и мукомол. Зерно и хлебопёк, который не видит зерна, а только муку, знает её цену, совершенствует своё вековое мастерство. Сколько же людей на земле трудится в поте лица своего, чтобы на нашем столе каждый день был вкусный, душистый каравай?!

... Пищу духовную тоже творит человек. В ней есть Зерно, которое называют Словом, а слово даёт жизнь мысли, мысль питает душу человеческую, учит её растить Счастье. Говорят, что счастье везде одинаково: и в природе, и в человеческом обществе. Неведомая нам рука бросает тысячи семян, чтобы одно проросло чудесным даром... Тысячи людей берутся за кисть, перо, настраивают свои музыкальные инструменты, а матери дарят миру **детей**, своё доброе **семя** отправляют в мир жизни для тех трудов, которые им определит Господь. Каждый человек – это росток семени, источник чудесного, часто небывалого, того, что он рождает словом, делом, помышлением, поклоном, даже просто пожатием руки или только улыбкой: Человек послал улыбку, иногда - наугад, кто-то, уставший от жизни, увидел эту улыбку, обрадовался и принял её как плодоносное, живое Семя, для которого станет готовить почву – свою духовную пищу...

Стократно в землю зёрна упадут,
И прорастут, и расцветут стократно...
И нет конца!

Ты только трудись, добрый человек, - и сей своё **зерно!** И поле возделывай с любовью; и доброе Слово, добрая Мысль, доброе Дело – они возродят и в самом тебе стократно лучшее, светлое, человеческое... Сей!..

И береги каждый час своего бытия, каждый День, наполненный осмысленным трудом во имя исполнения больших и малых желаний, но очень важных, пронизанных Светом добра...

Свет и тьма

*Вскипает время, брызжет, бродит
В потоках света или тьмы,
И кажется, оно проходит...
Нет, это в нём проходим мы.*

Э. Сервус

Помню, в давнее школьное время меня удивили два явления, о которых живописно рассказал учитель географии Сергей Николаевич Смирнов... Полярная ночь и полярный день, которые длились месяцами...

- А как же люди просыпались, ложились спать, дети ходили в школу во тьме? – спрашивали мы.

- По часам! У человека, который живёт там, часы особенные: они словно внутри у каждого... Но зато какая радость – встречать солнце после полярной ночи! – говорил нам наш всезнающий учитель.

Отсвет этого явления наблюдаем и мы в нашей средней полосе России: дни укорачиваются и удлиняются. Существует понятие «долгота дня»: день замыкается не только в рамках часов, но и минут, даже секунд! Человечество бережно считает каждый миг светового дня. «День зимнего равноденствия», - так говорят о том, что День и Ночь поровну поделили между собой свет и ночную тьму... А ночь с 21 на 22 июня – самая короткая в году: это явление мировая история не раз отмечала роковыми событиями.

Но весёлые птицы – певуньи знают другое: они встречают в это утро появление небесного светила великой радостью своих песен. Небо одаривает всё живое торжеством Света над тьмой – вопреки всему!

...Осень понемногу укорачивает день и так будто отнимает у человека радость дневной жизни на час-другой, а потом и ещё больше. Но это не тяготит нас: ночь-тьма! – зовёт к себе тех, кто устал за день, зовёт на отдых. Только не всегда он бывает спокойным. По ночам часто развёртывается другое бытие, сотканное не только из благодатного покоя, но и нередко из боли, страха, раскаяния, какие мы не испытываем днём, когда заняты делом. Мозг, руки днём выполняют свои привычные

задания – созидают!

Но во сне труднее всего бывает им же! Мозг не может сделать правильный вывод, руки не могут справиться с привычным: всё падает, что-то разбивается, куда-то проваливается... Не подчиняются нам во сне и ноги: за кем-то бежишь – и не можешь догнать или убежать от кого-то!

Недаром, порой просыпаешься в холодном поту. Ночной страх – самый жуткий, потому что во сне мы по-детски беспомощны...

Сон – как глубокая и таинственная вода. К счастью, она нередко уносит то, что тревожит нас: осадок печали будто вымывается и уплывает в безбрежное море подсознания. И тогда сон мы воспринимаем как небесное милосердие: он прощает нас, очищает от греховных мыслей, что-то подсказывает, утешает, с кем-то примиряет... Недаром наши бабушки и мамы укачивая нас в младенчестве, тихо напевали: «Спи, моя радость, усни...» Сон готовит нас к дневной жизни. Хотя то, что мы называем **своей жизнью**, – это, наверное, не всё, что мы прожили. Учёные утверждают, что это лишь субъективная «выборка». Того, чем живём, слишком много, гораздо больше, чем может объять наш мозг... А мы порой произвольно «сплетаем из отобранного упрощённое «действие», его и именуем **жизнью**, опуская те «мелочи», в которых, может быть, и таится бесценный аромат жизни... Но остановить поток бытия, чтобы всмотреться в него, нельзя – этого природа нам не дала. Наверное, и к лучшему! Прожить и пережить больше, наверное, было бы свыше человеческих сил. Но как определить эту **меру**? Что есть у нас внутри – какие весы, часы, приборы? Но теряем ли мы лучшее? Как успеть сделать больше радостного, счастливого за свой **световой** день? Как научиться сложнейшей науке жить с любовью? Любовь в нашей жизни – само естество, которое мы по-настоящему начинаем ценить, утрачивая, как солнце, воздух, воду...

Любви не нужны свидетели, дары, многословные объяснения: она сама пишет себя невидимой прописью существования. Это азбука жизни! И если мы спрашиваем кого-то: «Ты меня любишь?» – это значит, что мы не чувствуем любви! Если нас любят и мы любим, душа узнает сразу! Без словоизлияний... И самый большой выигрыш, счастливый знак судьбы, – это когда обретаешь самый длинный солнечный миг, День любви, который может длиться долгие годы. А готовимся к этому счастливому мигу мы часто по ночам – и не в сладком

сне, а в часы напряжённой работы нашего сознания... Это время бессонницы, нередко мучительной, но очень нужной для дневного бытия... Вспоминаю пушкинские «Стихи, сочинённые ночью во время бессонницы». Они написаны осенью 1830 года в Болдине, где Александр Сергеевич «заперт холерой» и терзался тем, что не получал известий от Наталии Николаевны. Из этого стихотворения, не опубликованного Пушкиным при жизни, нельзя извлекать цитаты: пятнадцать строк поэта – такой поток переживаний, что их хватило бы на целую поэму. Прочитаем их не торопясь...

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздаётся близ меня.

Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?

Что ты значишь, скучный шёпот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?

Ты зовёшь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

Это стихотворение А. С. Пушкина будет впервые подготовлено к печати В. А. Жуковским в 1841 году. Невероятно, но последнюю строку поэта Жуковский заменил своей – «отредактировал» Пушкина: «Тайный твой язык учу...» (впоследствии эта вольность Жуковского будет снята!)

... У Пушкина каждая строка – это разговор с жизнью. Понять её многоголосье – значит осознать смысл своего бытия, и этот смысл выразить своим словом, озвучить мелодией **своей** души. Наверное, найти своё и выразить **своим** словом – это всегда порыв того, кто живёт строкой, уходящей в мир...

... Шесть лет назад и у меня родилось поэтическое ночное размышление – как предощущение радости, когда, наконец,

находишь долгожданное слово, веришь, что тебе удалось «высказать себя»:

Бывает ночь – как щедрый дар от Бога...
Перо, бумага, стопка книг.
В тумане видится дорога,
к которой посох мой привык.

О, эта долгая дорога!
И я иду теперь туда,
где стёрта призрачность итога
дразнящей радостью труда.

Пускай измучит бденье это,
но крылья радости легки,
когда ударит луч рассвета
в звенящий колокол строки!..

Безмолвие и призывный звук колокола... Свет и тьма – они живут рядом. И не всегда как враги: в природе это естественное содружество дня и ночи, солнечного и лунного света, безмолвие ночного покоя и многоголосие дневного шума...

Но жизнь нередко использует подобные слова как антитезы, заключавшие в себе глубинное, противоборствующее, порой рождающее из человека зверя. Тьма злобы, зависти, ненависти одного человека к другому, одной страны к другой. Последнее страшно слепым обобщением: в одной и той же стране живут разные люди. У одних в душе – отсвет человеческого братства, у других – звериная ненависть ко всему «чужому», даже просто непривычному.

Все мы несём в душе память об истории человечества, полную не только радости, но и слёз – все мы прижаты к страшной многоголосной «стене плача»... Но если тебя знобит – отодвинься! И тебе станет теплее, сделай хотя бы короткий шаг вперёд! Шагая, нагонишь идущих впереди. Главное – понять, **куда** и **зачем** они идут! К свету или тьме, к войне или к миру – вечной мечте человечества?..

Просто ли это? Идти вперёд? А что просто на земле? Если хочешь быть **человеком**?.. Надо только верить, что «над нами, как над бездонной кручей, солнца древнего из сизой тучи пристален и нежен долгий взгляд»... Это уже слово Анны Ахматовой. Она знала силу Света!..